

СО СТОРОНЫ КАЖЕТСЯ
— мирица у людей беседа. Покуривают, ведут, неситет разговор, внимательно приглядываясь друг к другу, вслушиваясь в ниточки голосов. И подумать никак нельзя, что у них спор — простой, ожесточенный.

Рабочий завода обработки цветных металлов Евдокимов, что сидят сейчас против Загуменина, доказывает «дело коркей»: имеет обоснование толкование «евангелия». Где-то зостал «Толковники» — пожелавшую книгу потерпевшему переплеть, так сказать, свою скрепкой «мудрость».

— Ты мне скажи, что такое Галилеи? — спрашивает вопрос Евдокимов. — Где она?

Загуменин объясняет долго, обстоятельно. Он точно раскрывает страницы огромной летописи рода человеческого. У Евдокимова оказывается взгляд, чуть-чуть разогревший скрому. Вот сейчас тряхнет широкими плащами человек, громко, от души расхохочется над всем тем привычным и забытым, что отчело, как серый птичий, душу... Но только на минуту склоняет взгляд Евдокимова. И снова делается выжидательным, застенчивым. Тихо, испытуящею он спрашивает:

— Ты уверяешь, что церковники не могли собрать светлые слезы Иисуса, которые тот пролил? Чем доказываешь?

— Слушай, — голос Загуменина и мягкий, и твердый одновременно. Чувствуется — ему хочется сказать: «Брось мороку». — Ведь, если допустить, что был Иисус, что плакал он, то церковники не могли находиться возле него. Ведь они, как толкуют библии, недостойны того, чтобы видеть слезы Христа? Так?

— Ну, ну, — опятьожинается Евдокимов.

Может показаться: пустяки, мы занимаемся взрослые люди. Спорят бесповоротно. Но таков удел атеиста — терпеливо рассенан слепую, наивную веру религиозного члена в херковские «чудеса».

Потом долго в темноте курят. И долго смотрят на разные огни. Слушают жизни промышленного города, в жилах которого

рого бьется бодрое кипение. Над их головами — серебристый дождь звезд. И где-то в этом пространстве царствует проходил свой деревенский путь наш советский человек. Викентий Андрианович спрашивает:

— Как могла быть человек — драма владыки?

— Не знаю, — произносит

что интересно: у нас подобные мысли появляются оттого, что слишком мало мы испытываем для себя скульптуру отдаленного человека.

В одну минуту он весь преображается: от беспечного лободущего не остается следа — Загуменин делается колючим, как еж. Очевидно, вспоминает

затягивается лишь любовью и привязанностью человека.

Викентий Андрианович, прикрыл глазами усталые глаза, что-то вспоминает.

— Да, позади, как будто, нам нужна награда — воскликнул он. — В прежние времена, помимо, хоть карбонатные фонари были. Беда же скромского дела, в ее же ходоходстве становилось слово. Сегодня у нашего брата, у лектора-атеиста, никакая награда. На Луну скоро полетим, а диаскописты или маленький фильмокопия нет.

ЧЕРЕЗ ДЕНЬ я снова зашел к Викентию Андриановичу. Снова было позднее время. Тихоночко засыпал, он взглянулся в окно. В лунном свете серебрилась берега, из-под которой только что разошлись икры в домино.

— Беда, совсем пенсионеры раскали, — проговорил он задорно. — Засосет их безძствие, с головой затянется.

И ту же таинственным поупотребил сообщил:

— Кажется, весьма неплохие результаты с Евдокимовым. Честное слово, будет толк!

Очень поздно мы расстаемся на улице. Испытает за штакетником сущаская невысокая фигура. Хорошая, юная судьба у человека! Сорок лет назад отдал школе. Трудится помимо на добре имене — несет людям свет коммунистической правды.

Л. КОРНЮШИН, спец. корр. «Советской культуры». Кировская область.

СПОР В ТЕМНОТЕ

Евдокимов.
Загуменин одерживает верх — это чувствуется и по несколько растерянному виду, и по неуверенному голосу Евдокимова.

— Будь здоров, — говорит Загуменин.

— Будь здоров.

— Может, порыбачить съездим?

В темном переулке еще раз пожимают руки и расходятся.

На ДРУГОМ ДЕНЬ в «Большой» Викентия Андриановича в чистой, уставной половинке горенке. Несмотря на поздний час, еще не было дома.

— Задолгоато, — сказала Анна Григорьевна, жена Загумениного, такая же непоседливая, как и муж. Она тоже учительница, тоже пенсионерка и тоже все свободное время отдает атеистической пропаганде.

Рассматриваю книги, аккуратно сложенные на этажере. Работы по естествознанию, хими, истории, биологии нового и舊ного звания. Спорят ли удел атеиста — терпеливо рассенан слепую, наивную веру религиозного члена в херковские «чудеса».

Потом долго в темноте курят.

И долго смотрят на разные огни. Слушают жизни промышленного города, в жилах кото-

рого бьется бодрое кипение. Над их головами — серебристый дождь звезд. И где-то в этом пространстве царствует проходил свой деревенский путь наш советский человек. Викентий Андрианович спрашивает:

— Брось мороку, — говорит Евдокимов.

Может показаться: пустяки, мы занимаемся взрослые люди. Спорят бесповоротно. Но таков удел атеиста — терпеливо рассенан слепую, наивную веру религиозного члена в херковские «чудеса».

Потом долго в темноте курят.

И долго смотрят на разные огни. Слушают жизни промышленного города, в жилах кото-

рого бьется бодрое кипение. Над их головами — серебристый дождь звезд. И где-то в этом пространстве царствует проходил свой деревенский путь наш советский человек. Викентий Андрианович спрашивает:

— Брось мороку, — говорит Евдокимов.

Может показаться: пустяки, мы занимаемся взрослые люди. Спорят бесповоротно. Но таков удел атеиста — терпеливо рассенан слепую, наивную веру религиозного члена в херковские «чудеса».

Потом долго в темноте курят.

И долго смотрят на разные огни. Слушают жизни промышленного города, в жилах кото-

рого бьется бодрое кипение. Над их головами — серебристый дождь звезд. И где-то в этом пространстве царствует проходил свой деревенский путь наш советский человек. Викентий Андрианович спрашивает:

— Брось мороку, — говорит Евдокимов.

Может показаться: пустяки, мы занимаемся взрослые люди. Спорят бесповоротно. Но таков удел атеиста — терпеливо рассенан слепую, наивную веру религиозного члена в херковские «чудеса».

Потом долго в темноте курят.

И долго смотрят на разные огни. Слушают жизни промышленного города, в жилах кото-

рого бьется бодрое кипение. Над их головами — серебристый дождь звезд. И где-то в этом пространстве царствует проходил свой деревенский путь наш советский человек. Викентий Андрианович спрашивает:

— Брось мороку, — говорит Евдокимов.

Может показаться: пустяки, мы занимаемся взрослые люди. Спорят бесповоротно. Но таков удел атеиста — терпеливо рассенан слепую, наивную веру религиозного члена в херковские «чудеса».

Потом долго в темноте курят.

И долго смотрят на разные огни. Слушают жизни промышленного города, в жилах кото-

рого бьется бодрое кипение. Над их головами — серебристый дождь звезд. И где-то в этом пространстве царствует проходил свой деревенский путь наш советский человек. Викентий Андрианович спрашивает:

— Брось мороку, — говорит Евдокимов.

Может показаться: пустяки, мы занимаемся взрослые люди. Спорят бесповоротно. Но таков удел атеиста — терпеливо рассенан слепую, наивную веру религиозного члена в херковские «чудеса».

Потом долго в темноте курят.

И долго смотрят на разные огни. Слушают жизни промышленного города, в жилах кото-

рого бьется бодрое кипение. Над их головами — серебристый дождь звезд. И где-то в этом пространстве царствует проходил свой деревенский путь наш советский человек. Викентий Андрианович спрашивает:

— Брось мороку, — говорит Евдокимов.

Может показаться: пустяки, мы занимаемся взрослые люди. Спорят бесповоротно. Но таков удел атеиста — терпеливо рассенан слепую, наивную веру религиозного члена в херковские «чудеса».

Потом долго в темноте курят.

И долго смотрят на разные огни. Слушают жизни промышленного города, в жилах кото-

рого бьется бодрое кипение. Над их головами — серебристый дождь звезд. И где-то в этом пространстве царствует проходил свой деревенский путь наш советский человек. Викентий Андрианович спрашивает:

— Брось мороку, — говорит Евдокимов.

Может показаться: пустяки, мы занимаемся взрослые люди. Спорят бесповоротно. Но таков удел атеиста — терпеливо рассенан слепую, наивную веру религиозного члена в херковские «чудеса».

Потом долго в темноте курят.

И долго смотрят на разные огни. Слушают жизни промышленного города, в жилах кото-

рого бьется бодрое кипение. Над их головами — серебристый дождь звезд. И где-то в этом пространстве царствует проходил свой деревенский путь наш советский человек. Викентий Андрианович спрашивает:

— Брось мороку, — говорит Евдокимов.

Может показаться: пустяки, мы занимаемся взрослые люди. Спорят бесповоротно. Но таков удел атеиста — терпеливо рассенан слепую, наивную веру религиозного члена в херковские «чудеса».

Потом долго в темноте курят.

И долго смотрят на разные огни. Слушают жизни промышленного города, в жилах кото-

рого бьется бодрое кипение. Над их головами — серебристый дождь звезд. И где-то в этом пространстве царствует проходил свой деревенский путь наш советский человек. Викентий Андрианович спрашивает:

— Брось мороку, — говорит Евдокимов.

Может показаться: пустяки, мы занимаемся взрослые люди. Спорят бесповоротно. Но таков удел атеиста — терпеливо рассенан слепую, наивную веру религиозного члена в херковские «чудеса».

Потом долго в темноте курят.

И долго смотрят на разные огни. Слушают жизни промышленного города, в жилах кото-

рого бьется бодрое кипение. Над их головами — серебристый дождь звезд. И где-то в этом пространстве царствует проходил свой деревенский путь наш советский человек. Викентий Андрианович спрашивает:

— Брось мороку, — говорит Евдокимов.

Может показаться: пустяки, мы занимаемся взрослые люди. Спорят бесповоротно. Но таков удел атеиста — терпеливо рассенан слепую, наивную веру религиозного члена в херковские «чудеса».

Потом долго в темноте курят.

И долго смотрят на разные огни. Слушают жизни промышленного города, в жилах кото-

рого бьется бодрое кипение. Над их головами — серебристый дождь звезд. И где-то в этом пространстве царствует проходил свой деревенский путь наш советский человек. Викентий Андрианович спрашивает:

— Брось мороку, — говорит Евдокимов.

Может показаться: пустяки, мы занимаемся взрослые люди. Спорят бесповоротно. Но таков удел атеиста — терпеливо рассенан слепую, наивную веру религиозного члена в херковские «чудеса».

Потом долго в темноте курят.

И долго смотрят на разные огни. Слушают жизни промышленного города, в жилах кото-

рого бьется бодрое кипение. Над их головами — серебристый дождь звезд. И где-то в этом пространстве царствует проходил свой деревенский путь наш советский человек. Викентий Андрианович спрашивает:

— Брось мороку, — говорит Евдокимов.

Может показаться: пустяки, мы занимаемся взрослые люди. Спорят бесповоротно. Но таков удел атеиста — терпеливо рассенан слепую, наивную веру религиозного члена в херковские «чудеса».

Потом долго в темноте курят.

И долго смотрят на разные огни. Слушают жизни промышленного города, в жилах кото-

рого бьется бодрое кипение. Над их головами — серебристый дождь звезд. И где-то в этом пространстве царствует проходил свой деревенский путь наш советский человек. Викентий Андрианович спрашивает:

— Брось мороку, — говорит Евдокимов.

Может показаться: пустяки, мы занимаемся взрослые люди. Спорят бесповоротно. Но таков удел атеиста — терпеливо рассенан слепую, наивную веру религиозного члена в херковские «чудеса».

Потом долго в темноте курят.

И долго смотрят на разные огни. Слушают жизни промышленного города, в жилах кото-

рого бьется бодрое кипение. Над их головами — серебристый дождь звезд. И где-то в этом пространстве царствует проходил свой деревенский путь наш советский человек. Викентий Андрианович спрашивает:

— Брось мороку,

